

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ

ОПОРНЫЕ НАСЕЛЕННЫЕ ПУНКТЫ В УСЛОВИЯХ СМЕНЫ ПАРАДИГМЫ: КЕЙС КАНСКА И ЛЕСОСИБИРСКА

В. С. Бичун¹¹ Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия)

АННОТАЦИЯ

Введение. В статье рассматривается трансформация концепции опорных населенных пунктов (ОНП) в контексте смены парадигмы, связанной с масштабированием системы опорных населенных пунктов от точечного инструмента поддержки депрессивных территорий к системообразующему элементу пространственной организации всей страны. Цель исследования – выявление противоречий стратегического планирования в опорных населенных пунктах и формирование рекомендаций по адаптации методологии стратегического планирования к условиям новой парадигмы.

Материалы и методы. В исследовании использованы методы сравнительного анализа и стратегической оценки. Объектом исследования выступили проекты мастер-планов опорных городов Канска и Лесосибирска Красноярского края, разработанные в 2024 году. Применен метод избирательной фокусировки с концентрацией на ключевых блоках мастер-планов, связанных с концепцией опорности.

Результаты и выводы. Исследование выявило критические противоречия между проектными решениями, разработанными в рамках селективной модели опорных населенных пунктов, и требованиями новой системы пространственного развития. Анализ показал, что реализация мастер-планов в существующем виде может не только не достичь поставленных целей, но и усугубить проблемы пространственного развития. Научная новизна заключается в предложении по концептуальной корректировке трех базовых компонент мастер-планов: прогноза демографического развития (ориентация на прилегающую территорию вместо межрегиональной миграции), экономической приоритетности (устойчивая экономическая база как системообразующий фактор) и финансового обоснования (сопоставимость с ретроспективными бюджетными потоками).

Обсуждение. Результаты исследования ставят под вопрос применимость существующих методологических подходов к стратегическому планированию в условиях масштабирования системы опорных населенных пунктов. Выявленные противоречия требуют переосмысления принципов прогноза демографического развития, экономического обоснования и учета бюджетных ограничений при формировании общенациональной сети опорных центров. Результаты формируют научную основу для критического переосмысления практики пространственного развития депрессивных территорий.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Опорные населенные пункты, прилегающая территория, стратегическое планирование, пространственное развитие, система расселения, депрессивные территории, мастер-план.

ФИНАНСИРОВАНИЕ

Статья выполнена без внешнего финансирования.

БЛАГОДАРНОСТИ

Автор выражает благодарность Институту территориального планирования «Град» за предоставленную возможность использования проектных материалов мастер-планов городов Канска и Лесосибирска в научно-исследовательских целях.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Бичун В. С. Опорные населенные пункты в условиях смены парадигмы: кейс Канска и Лесосибирска // Муниципалитет: экономика и управление. 2026. № 1. С. 29–43. EDN EFAHGP.

© Бичун В. С., 2026

Open Access This article is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License, which permits use, sharing, adaptation, distribution and reproduction in any medium or format, as long as you give appropriate credit to the original author(s) and the source, provide a link to the Creative Commons license, and indicate if changes were made.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бичун Виталий Сергеевич – Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (620062, Россия, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19) – *аспирант*; bichunvitalja@mail.ru. SPIN 1773-0327, ORCID 0009-0000-4032-5297.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СРЕДСТВ ИИ

Автор заявляет о том, что при написании данной статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Статья поступила 18.11.2025; рецензия получена 31.01.2026; принята к публикации 12.02.2026.

SCIENTIFIC ARTICLE

SUPPORT SETTLEMENTS UNDER PARADIGM SHIFT: KANSK AND LESOSIBIRSK CASE

V. S. Bichun¹

¹ Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia)

ABSTRACT

Introduction. This article examines the transformation of the concept of support settlements in the context of a paradigm shift associated with the scaling of the support settlement system from a point-based instrument for supporting depressed territories to a system-forming element of the spatial organization of the entire country. The research objective is to identify contradictions in strategic planning within support settlements and to develop recommendations for adapting strategic planning methodology to the conditions of the new paradigm.

Materials and methods. The study employs comparative analysis and strategic assessment methods. The research objects are the master plan projects for the support cities of Kansk and Lesosibirsk in Krasnoyarsk Krai, developed in 2024. A selective focus method has been applied, concentrating on the key sections of the master plans related to the support settlement concept.

Results and conclusions. The study revealed critical contradictions between the design solutions developed under the selective model of support settlements (SS) and the requirements of the new spatial development framework. The analysis demonstrated that implementing the master plans in their current form may not only fail to achieve the stated objectives but could also aggravate existing spatial development challenges. The scientific novelty of the research lies in proposing a conceptual revision of the three core components of master plans: the demographic development forecast (shifting focus from interregional migration to the adjacent catchment area), economic prioritization (establishing a sustainable economic basis as a system-defining factor), and financial justification (ensuring comparability with historical budget flows).

Discussion. The research findings question the applicability of the existing methodological approaches to strategic planning in the context of scaling up the support settlement system. The identified contradictions necessitate a reconceptualization of fundamental principles of demographic forecasting, economic justification, and incorporation of budgetary constraints in establishing a nationwide network of support centers. The findings provide a scientific foundation for critical rethinking of spatial development practices in distressed territories.

KEYWORD

Support settlements, adjacent territories, strategic planning, spatial development, settlement system, depressed territories, master plan.

FUNDING

The article has completed the article without external funding.

ACKNOWLEDGEMENTS

The author expresses gratitude to the Territorial Planning Institute «Grad» for providing the opportunity to use the master plan project materials of the Kansk and Lesosibirsk towns for research purposes.

FOR CITATION

Bichun, V. S. (2026) Support settlements under paradigm shift: the Kansk and Lesosibirsk case. *Municipality: Economics and Management*, (1), pp. 29–43. <https://elibrary.ru/efahgp>.

AUTHORS' INFORMATION

Vitaly S. Bichun – Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (620062, Russia, Ekaterinburg, Mira St., 19) – *Postgraduate Student*; bichunvitalja@mail.ru. SPIN 1773-0327, ORCID 0009-0000-4032-5297.

CONFLICT OF INTERESTS

The author declares interest conflict lack.

USE OF AI TOOLS DECLARATION

The author declares that he has not used Artificial Intelligence (AI) tools to write the article.

The article was submitted 18.11.2025; reviewed 31.01.2026; accepted for publication 12.02.2026.

Введение

Одной из актуальных повесток пространственного развития России, начиная с 2021 года, является система опорных населенных пунктов (ОНП). Эволюция данной концепции отражает фундаментальную трансформацию подходов к пространственной организации страны: от противопоставления опорных пунктов агломерациям как точкам роста к формированию интегрированной системы расселения, охватывающей всю территорию Российской Федерации.

Первоначальная парадигма ОНП сформировалась в конце 2021 года. Под опорным населенным пунктом понимался «населенный пункт, расположенный вне границ городских агломераций, на базе которого обеспечивается ускоренное развитие инфраструктуры, обеспечивающей реализацию гарантий в сфере образования, доступность медицинской помощи, услуг в сфере культуры и реализацию иных потребностей населения территории одного или нескольких муниципальных образований»¹.

Теоретические основы концепции опорных населенных пунктов восходят к классическим работам В. Кристаллера и А. Леша по теории центральных мест и пространственной экономике, однако российская специфика требует существенной адаптации западных моделей. Особенности географического положения страны, характеризующиеся обширностью территории, неравномерностью размещения производительных сил и исторически сложившейся системой расселения, обуславливают необходимость разработки оригинальных подходов к организации пространственного развития. В этом контексте система ОНП представляет собой попытку синтеза теоретических концепций полюсов роста с практическими задачами преодоления пространственной фрагментации национальной экономики [1, с. 53].

Формирование системы ОНП в подобной конфигурации было обусловлено нарастающими

проблемами, связанными с длительной приоритизацией бюджетных расходов в пользу городских агломераций как точек роста и развития. Существенной проблемой такого подхода стала стремительно растущая диспропорция в социально-экономическом развитии между населенными пунктами, на которые сделали ставку, и депрессивными территориями [2, с. 103; 3, с. 89].

В связи с этим под «ускоренным развитием инфраструктуры» в контексте настоящего исследования понимается преимущественно догоняющий характер развития, направленный на ликвидацию отставания опорных населенных пунктов от уровня обеспеченности социальной, инженерной и транспортной инфраструктурой, характерного для крупных городов. Такая интерпретация соответствовала логике исходной парадигмы ОНП, ориентированной на поддержку депрессивных территорий, и отличалась от модели «опережающего роста», свойственной агломерациям и точкам роста.

Наращение дифференциации в уровне социально-экономического развития между территориями формирует устойчивые миграционные потоки, направленные из периферийных населенных пунктов в экономически развитые центры. Данный процесс характеризуется кумулятивным эффектом: отток населения из проблемных территорий приводит к сокращению налоговой базы, деградации социальной инфраструктуры и снижению инвестиционной привлекательности, что, в свою очередь, стимулирует дальнейшую миграцию трудоспособного населения [4, с. 67; 5, с. 90].

Учитывая, что наиболее острые проявления пространственной дезинтеграции характерны для периферийных территорий, находящихся на значительном удалении от административно-экономических центров, апробация концепции ОНП была инициирована в Арктической зоне Российской Федерации. В 2023 году были подготовлены мастер-планы развития ОНП Арктики, которые в данном контексте

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 13.02.2019 № 207-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» (документ утратил силу) // Правовая справочно-информационная система «Консультант Плюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_495567/ (дата обращения: 05.12.2025).

представляют собой стратегию социально-экономического развития с ярко выраженной пространственной компонентой [6, с. 3; 7, с. 62]. Концепция таких мастер-планов базируется на принципе пространственной концентрации ресурсов в стратегически значимых точках (опорных пунктах), способных выполнять функции локальных центров для прилегающих территорий [8, с. 99; 9, с. 274].

В данной концепции ОНП обеспечивают консолидацию социальной инфраструктуры, формирование устойчивой экономической базы и создание транспортно-логистических узлов. Выявленная эффективность системы ОНП в специфических условиях Арктики инициировала процесс адаптации и масштабирования данной модели как точечного инструмента поддержки отдельных депрессивных территорий России, которые имеют стратегическую ценность [10, с. 77; 11, с. 86].

В 2024 году для данных населенных пунктов были разработаны мастер-планы, методологическая основа которых формировалась в контексте первоначальной концепции ОНП. Основываясь на сформированной парадигме селективной поддержки, разработчики мастер-планов и органы государственной власти закладывали проектные решения, предполагающие объемы финансирования, существенно превышающие предшествующий уровень бюджетных вложений в данные территории. Подобное увеличение бюджетной нагрузки обосновывалось необходимостью реализации функций опорных центров локального развития, возложенных на эти населенные пункты [12, с. 38; 13, с. 145].

Однако принятая в конце 2024 года Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года (СПР-2030) кардинально пересматривает роль ОНП в пространственном развитии страны. Теперь под опорным населенным пунктом понимается «населенный пункт, приоритетное развитие которого способствует достижению национальных целей и обеспечению национальной безопасности, в том числе за счет обеспечения доступности образования, медицинской помощи, услуг в сфере культуры и реализации иных потребностей для жителей прилегающей территории»². Система ОНП преподносится как один из ключевых приоритетов новой стратегии и призвана «формировать системы расселения, инфраструктуры и экономики Российской Федерации и обеспечивать развитие прилегающих к ним территорий»².

Столь резкая смена парадигмы не могла не отразиться на перспективах реализации мастер-планов. Переход от селективной модели поддержки ограниченного числа территорий к формированию общенациональной системы

ОНП кардинально меняет условия конкуренции за бюджетные ресурсы и требует трансформации базовых подходов к стратегическому планированию [14, с. 25]. Опорные центры, для которых были разработаны мастер-планы в логике приоритетного финансирования оказываются в ситуации, когда аналогичные претензии на государственную поддержку предъявляют сотни других территорий по всей стране. Это актуализирует необходимость критического анализа заложенных в мастер-планах целевых показателей, финансовых моделей и проектных решений с точки зрения их адаптации к новой парадигме ОНП.

Материалы и методы

Эмпирическую базу исследования составляют материалы мастер-планов опорных городов Красноярского края – Канска и Лесосибирска, разработанные Институтом территориального планирования «Град» (ИТП «Град») в 2024 году. Проекты мастер-планов не утверждены нормативно-правовыми актами и не были официально опубликованы в открытом доступе. Автор исследования, входивший в состав авторского коллектива по разработке данных мастер-планов, имеет доступ к проектным материалам и использует их в научно-исследовательских целях с официального разрешения ИТП «Град».

Выбор данных городов, помимо доступа к материалам, обусловлен несколькими факторами, имеющими принципиальное значение для анализа трансформации подходов к стратегическому планированию ОНП.

Во-первых, временной фактор: разработка указанных мастер-планов осуществлялась в 2024 году до утверждения СПР-2030. Это означает, что методологическая основа данных документов формировалась в контексте первоначальной концепции ОНП, которая акцентировала внимание на развитии отдельных центров и их функциональной роли в системе расселения прилегающих территорий. Проектные решения в этих мастер-планах отражают понимание опорного пункта как локального полюса роста, обеспечивающего социально-экономическое развитие ограниченной зоны влияния.

Во-вторых, содержательный аспект: мастер-планы Канска и Лесосибирска демонстрируют комплексный подход к планированию развития опорного центра в единстве с его прилегающей территорией. Данные документы, рассчитанные на период реализации до 2035 года, включают анализ межмуниципальных связей, оценку ресурсного потенциала территории влияния, проработку инфраструктурных решений, выходящих за административные границы городов. Такой подход позволяет

² Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28.12.2024 № 4146-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года» // Правовая справочно-информационная система «Консультант Плюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_495567/ (дата обращения: 05.12.2025).

рассматривать эти мастер-планы как репрезентативные примеры реализации первоначальной концепции ОНП на практике.

В-третьих, актуальность сопоставления: современная интерпретация системы ОНП, зафиксированная в СПР-2030, характеризуется качественно иным масштабом и логикой пространственной организации. Новая система предполагает формирование общенациональной сети опорных центров, охватывающей всю территорию России и интегрированной в единый каркас пространственного развития страны. Это создает необходимость критического анализа применимости проектных решений, разработанных в рамках предыдущей парадигмы, к условиям системного подхода.

Методологический инструментальный исследования опирается на междисциплинарный подход, интегрирующий методы пространственной экономики, урбанистики и стратегического планирования. Сравнительный анализ мастер-планов осуществляется с учетом контекстуальных особенностей каждого опорного города, что позволяет выявить как универсальные закономерности, так и специфические факторы, определяющие траектории развития конкретных территорий. Особое внимание уделяется анализу институциональных механизмов реализации стратегических документов, поскольку именно качество институциональной среды во многом определяет успешность трансформации проектных решений в реальные изменения пространственной организации территории.

Актуальность исследования подчеркивается нарастающим интересом к теме ОНП со стороны научно-профессионального сообщества. Исследователи отмечают неравномерность распределения опорных населенных пунктов по разным регионам, необходимость выстраивания системных связей между ОНП и прилегающими территориями и высказывают сомнения относительно перспектив сохранения прилегающих территорий в условиях абсолютной приоритезации ресурсов в пользу развития опорных центров [15; 16; 17; 18; 19; 20].

Методологический подход к анализу мастер-планов Канска и Лесосибирска в рамках настоящего исследования базируется на избирательной фокусировке – на трех компонентах, предложенных автором как системообразующие для концепции опорности.

1. Демографическая компонента включает прогнозирование численности населения и формирование миграционной политики. Данный аспект представляет особую значимость, поскольку функциональное предназначение ОНП предполагает стабилизацию собственной демографической

ситуации преимущественно за счет привлечения трудоспособного населения (16–60 лет) из удаленных регионов России, а не за счет «перетягивания» жителей прилегающих территорий.

2. Экономическая компонента охватывает как развитие экономической базы самого опорного пункта, так и механизмы интеграции ресурсного и производственного потенциала прилегающих территорий (в том числе посредством реализации инвестиционных проектов). Эффективность ОНП напрямую зависит от его способности генерировать экономическую активность, обеспечивающую занятость не только собственного населения, но и жителей зоны влияния.

3. Инфраструктурная компонента предполагает развитие социальной и транспортной инфраструктуры ОНП с учетом потребностей населения прилегающих территорий. Именно доступность качественных инфраструктурных услуг определяет реальную зону влияния опорного центра и его способность выполнять функции локального полюса развития.

Результаты исследования

Численность постоянного населения городов Канска и Лесосибирска на начало 2023 года составляла 86 тыс. человек и 59,2 тыс. человек соответственно. Прогноз демографического развития городов основывается на сохранении существующих темпов миграции до 2025–2026 гг. с последующим приростом населения к 2035 году до 87,6 тыс. человек в Канске и 61,2 тыс. человек в Лесосибирске. Прогноз численности населения придерживается принципа демографической нейтральности по отношению к прилегающим территориям, декларируя ориентацию на привлечение постоянного населения из удаленных регионов России. Вместе с тем, зоны транспортного влияния опорных центров характеризуются значительным демографическим потенциалом: численность населения в зоне влияния Канска достигает 157,9 тыс. человек (в 1,8 раза превышает население самого опорного города), в зоне влияния Лесосибирска – 51,7 тыс. человек (составляет 87% от численности населения опорного города)³.

Стоит отметить, что представленный прогноз демографического развития учитывает ключевые структурные факторы, ограничивающие потенциал наращивания человеческого капитала в обоих городах. Для Канска таким фактором выступает территориальная близость к Красноярску – региональному центру, который концентрирует основные обеспечивающие функции и инвестиционные потоки, создавая эффект «гравитационного притяжения» экономической активности. Для Лесосибирска,

³ Материалы планов развития (мастер-планов) г. Канска и г. Лесосибирска Красноярского края (не опубликованы в открытом доступе). Канск – URL: <https://zakupki.gov.ru/epz/order/notice/ok20/view/supplier-results.html?regNumber=0119200000124002823>. Лесосибирск – URL: <https://zakupki.gov.ru/epz/order/notice/ok20/view/supplier-results.html?regNumber=0119200000124002822>. (дата обращения: 06.11.2025).

напротив, определяющим фактором является существенная географическая отдаленность от регионального центра и отсутствие в зоне доступности сопоставимых по уровню развития территорий, что ограничивает возможности формирования устойчивых агломерационных эффектов.

Методологическую основу демографического прогноза для обоих городов составляет адаптированный метод трудового баланса – классический инструмент демографического анализа, применяемый с учетом специфики депрессивных территорий. Алгоритм включает: оценку потенциала создания рабочих мест по флагманским проектам;

расчет мультипликативного эффекта занятости в смежных отраслях; пересчет занятости в прирост постоянного населения с учетом среднего коэффициента обеспеченности одного рабочего места 1,2–1,5 жителями (семья). Адаптация заключается в корректировке коэффициентов на основе анализа миграционной чувствительности территорий Красноярского края. Кроме того, в мастер-планах был осуществлен детальный прогноз численности занятых в экономике с дифференциацией по категориям населения, что обеспечивает более точную оценку влияния рынка труда на демографические процессы (рисунок 1).

Рисунок 1 – Прогноз численности занятых в экономике городов Канска и Лесосибирска по категориям населения⁴

Figure 1 – Forecast of employment in the economies of Kansk and Lesosibirsk by population categories

Демографическая динамика опорных городов неразрывно связана с трансформацией структуры занятости и качественными характеристиками рынка труда. Прогнозируемое увеличение численности занятых предполагает не только количественный рост рабочих мест, но и структурную модернизацию экономики с повышением доли высокопроизводительных секторов. Данная трансформация требует опережающего развития системы профессионального образования, способной обеспечить подготовку кадров в соответствии с потребностями формирующихся объектов производства. Синхронизация образовательных программ с перспективными направлениями экономического развития представляет собой критически важный фактор, определяющий способность территории реализовать заложенный в мастер-планах потенциал роста.

Подход к экономическому развитию базируется на концепции кластерной организации

производственной деятельности, предполагающей формирование взаимосвязанных отраслевых комплексов на основе существующих и перспективных отраслей промышленности. Развитие данных направлений рассматривается как определяющий фактор, обуславливающий потоки государственных инвестиций в инфраструктуру и стимулирующий развитие сервисной и креативной экономики. В результате формируется комплексная система направлений инвестиционного развития, реализующая кластерный подход к отраслевому развитию территории.

Для Канска ключевыми отраслями специализации определены промышленность строительных материалов и пищевая промышленность, которые выполняют интегрирующую функцию, объединяя существующие, развиваемые и перспективные отрасли в единую экономическую модель территории, которая представлена на рисунке 2.

⁴ Материалы планов развития (мастер-планов) г. Канска и г. Лесосибирска Красноярского края (не опубликованы в открытом доступе). Канск – URL: <https://zakupki.gov.ru/epz/order/notice/ok20/view/supplier-results.html?regNumber=0119200000124002823>. Лесосибирск – URL: <https://zakupki.gov.ru/epz/order/notice/ok20/view/supplier-results.html?regNumber=0119200000124002822>. (дата обращения: 06.11.2025).

Рисунок 2 – Направления инвестиционного развития города Канска⁵
Figure 2 – Investment development directions for the city of Kansk

Движущей силой формирования кластерных структур и комплексного развития отраслей экономики выступают инвестиционные проекты. В рамках проектных решений мастер-плана города Канска разработано более 50 инвестиционных проектов различного уровня и отраслевой принадлежности. Среди них

можно выделить десять флагманских проектов, которые в силу своего масштаба и системообразующего характера в наибольшей степени определяют траекторию развития опорного города. Подробная информация по флагманским инвестиционным проектам Канска представлена в таблице 1.

Таблица 1 – Флагманские инвестиционные проекты города Канска⁶
Table 1 – Flagship investment projects of the city of Kansk

Наименование инвестиционного проекта	Оценка объема инвестиций, млн рублей	Оценка количества создаваемых рабочих мест, единиц
Производство ДСП	3200	140
Производство OSB-плит	2000	150
Производство железобетонных изделий	120	100
Фармацевтическое предприятие	7000	200
Производство текстиля, текстильной упаковки/чехлов	205	150
Предприятие по производству тракторов	215	100
Предприятие по переработке овощей	1000	150
Производство рапсового масла	2500	150
Производство биодизеля из рапса	2500	150
Предприятие по переработке мясной продукции	310	50

В Лесосибирске принят аналогичный подход к развитию отраслей экономики, основанный на кластерной модели организации производственной деятельности. Однако в Лесосибирске системообразующие отрасли, представленные лесозаготовкой и деревообработкой, уже являются развитыми,

но существенно пострадавшими от санкционных ограничений. Поэтому в мастер-плане Лесосибирска сделан акцент на поиск новых рынков сбыта продукции с одновременным развитием смежных отраслей. Отраслевая модель экономики города Лесосибирска представлена на рисунке 3.

⁵ Материалы плана развития (мастер-плана) г. Канска Красноярского края (не опубликованы в открытом доступе). – URL: <https://zakupki.gov.ru/epz/order/notice/ok20/view/supplier-results.html?regNumber=0119200000124002823>. (дата обращения: 07.11.2025).

⁶ Составлено автором по: Материалы плана развития (мастер-плана) г. Канска Красноярского края (не опубликованы в открытом доступе). – URL: <https://zakupki.gov.ru/epz/order/notice/ok20/view/supplier-results.html?regNumber=0119200000124002823>. (дата обращения: 07.11.2025).

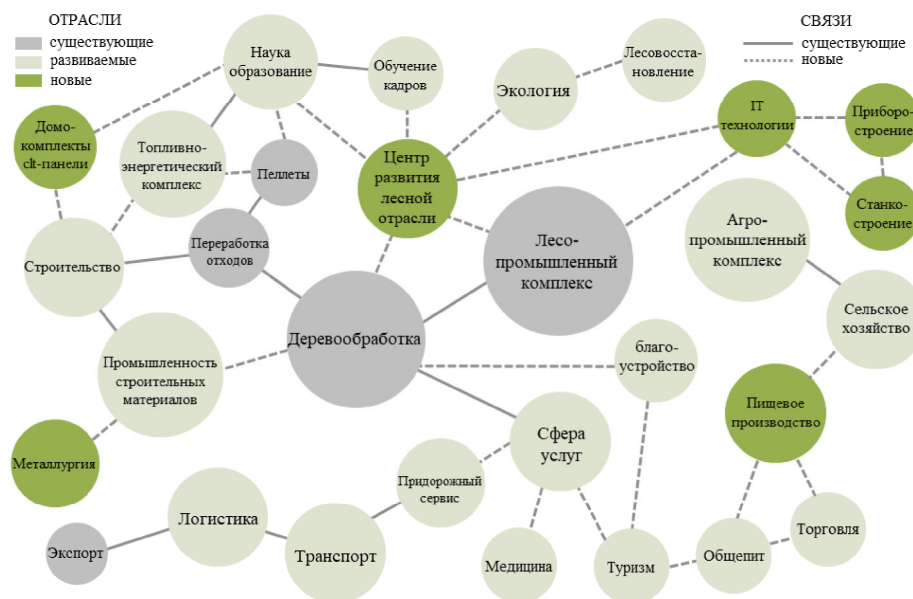

Рисунок 3 – Направления инвестиционного развития города Лесосибирска⁷
Figure 2 – Investment development directions for the city of Lesosibirsk

Портфель инвестиционных проектов Лесосибирска включает более 40 инициатив различного масштаба, среди которых также можно выделить десять флагманских проектов, определяющих стратегический вектор экономического развития опорного города. Состав флагманских проектов отражает стремление к модернизации традиционных

отраслей специализации при одновременной диверсификации экономической базы за счет развития смежных производств и сервисных отраслей, что соответствует современным требованиям устойчивого пространственного развития. Подробная информация по флагманским инвестиционным проектам Лесосибирска представлена в таблице 2.

Таблица 2 – Флагманские инвестиционные проекты города Лесосибирска⁸
Table 2 – Flagship investment projects of the city of Lesosibirsk

Наименование инвестиционного проекта	Оценка объема инвестиций, млн рублей	Оценка количества создаваемых рабочих мест, единиц
Производство деревянных домокомплектов	3000	400
Производство CLT-панелей	3000	50
Производство оборудования и комплектующих для деревообрабатывающей промышленности	7000	250
Производство мебели	850	160
Производство дверей	700	100
Переработка отходов лесопиления и деревообработки	460	90
Производство строительных металлических конструкций	125	200
Производство железобетонных изделий	750	130
Инженерно-технологический центр (реверс-инженерия, производство инновационной продукции)	400	45
Транспортно-логистический центр для перевалки грузов автомобильным и железнодорожным транспортом	1500	100

⁷ Материалы плана развития (мастер-плана) г. Лесосибирска Красноярского края (не опубликованы в открытый доступ). – URL: <https://zakupki.gov.ru/epz/order/notice/ok20/view/supplier-results.html?regNumber=011920000124002822>. (дата обращения: 07.11.2025).

⁸ Составлено автором по: Материалы плана развития (мастер-плана) г. Лесосибирска Красноярского края (не опубликованы в открытый доступ). – URL: <https://zakupki.gov.ru/epz/order/notice/ok20/view/supplier-results.html?regNumber=011920000124002822>. (дата обращения: 07.11.2025).

Реализация масштабных инвестиционных проектов в условиях депрессивных территорий сопряжена с комплексом специфических рисков, требующих проактивного управления. К числу таких рисков относятся волатильность сырьевых рынков, ограниченность квалифицированных трудовых ресурсов, недостаточная развитость деловой инфраструктуры и относительная изолированность от крупных рынков сбыта. Минимизация данных рисков предполагает формирование комплексной системы мер государственной поддержки, включающей не только прямое финансирование инфраструктурных проектов, но и создание механизмов снижения предпринимательских рисков, развитие институтов поддержки малого и среднего бизнеса, а также формирование благоприятной административной среды для ведения хозяйственной деятельности.

Анализ экономической компоненты свидетельствует о том, что инвестиционная стратегия мастер-планов ориентирована на формирование интегрированных производственных цепочек и замкнутых циклов производства, что обеспечивает максимизацию добавленной стоимости, создаваемой на территории ОНП. Данный подход позволяет нивелировать негативное влияние высоких издержек производства, характерных для периферийных территорий, за счет сокращения логистических расходов, оптимизации использования сырьевых ресурсов и формирования устойчивых межотраслевых связей. Реализация

концепции вертикальной и горизонтальной интеграции производственных процессов создает предпосылки для повышения конкурентоспособности продукции опорных городов на региональных и федеральных рынках.

Инвестиционная составляющая и анализ зон транспортного влияния непосредственно связаны с концепцией опорности: именно способность ОНП генерировать инвестиционные импульсы и распространять их на прилегающую территорию определяет его функцию локального полюса развития. Зона транспортного влияния выступает пространственным выражением «опорности» – границей, в пределах которой экономические и инфраструктурные эффекты от развития опорного центра остаются значимыми для прилегающих населенных пунктов.

Экономическая интеграция населенных пунктов зоны транспортного влияния Канска реализуется по двум основным направлениям: во-первых, через формирование устойчивых поставок сельскохозяйственного сырья и минеральных ресурсов для перерабатывающих производств опорного центра; во-вторых, через включение отдельных территорий в единый туристско-рекреационный кластер с созданием межмуниципальных туристических маршрутов. Пространственная конфигурация зоны транспортного влияния Канска и структура ее экономического взаимодействия с опорным городом представлены на рисунке 4.

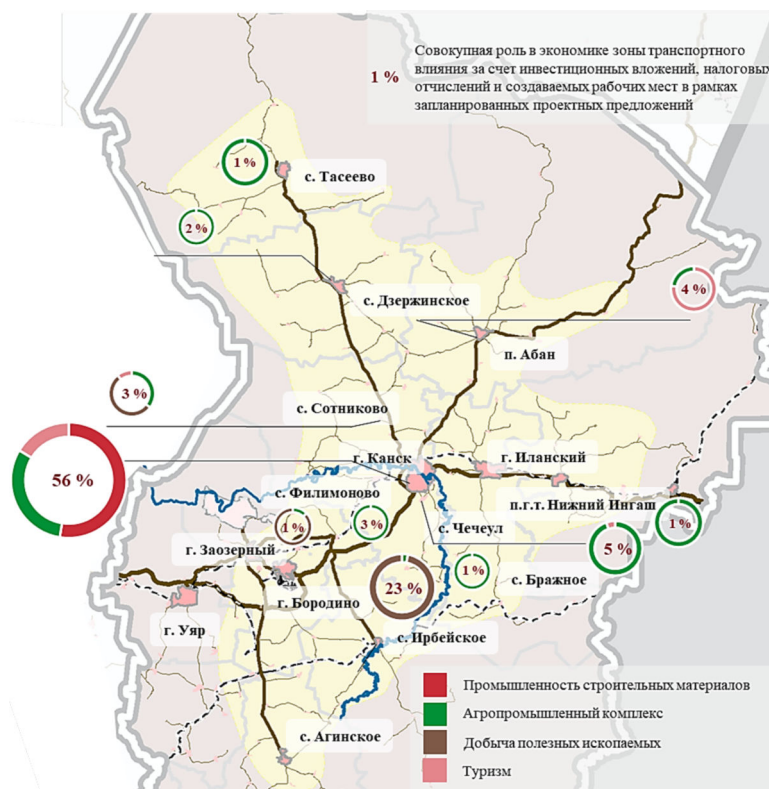

Рисунок 4 – Зона транспортного влияния города Канска и ее вклад в экономику опорного города⁹
Figure 4 – Transport influence zone of the city of Kansk and its contribution to the economy of the support city

⁹ Материалы плана развития (мастер-плана) г. Канска Красноярского края (не опубликованы в открытый доступ). – URL: <https://zakupki.gov.ru/epz/order/notice/ok20/view/supplier-results.html?regNumber=011920000124002823>. (дата обращения: 08.11.2025).

В отличие от Канска, зона транспортного влияния Лесосибирска включает значительно меньшее число населенных пунктов, пригодных для размещения производственных объектов. Вследствие этого экономическая структура зоны характеризуется высокой степенью концентрации: 94% совокупного валового продукта формируется в двух городах – Лесосибирске и Енисейске. Планы по точечному развитию

сельских территорий предусматривают создание предприятий деревообрабатывающей отрасли, совершенствование транспортно-логистической инфраструктуры и формирование туристско-рекреационного кластера. Пространственная конфигурация зоны транспортного влияния Лесосибирска и структура ее экономического взаимодействия с опорным городом представлены на рисунке 5.

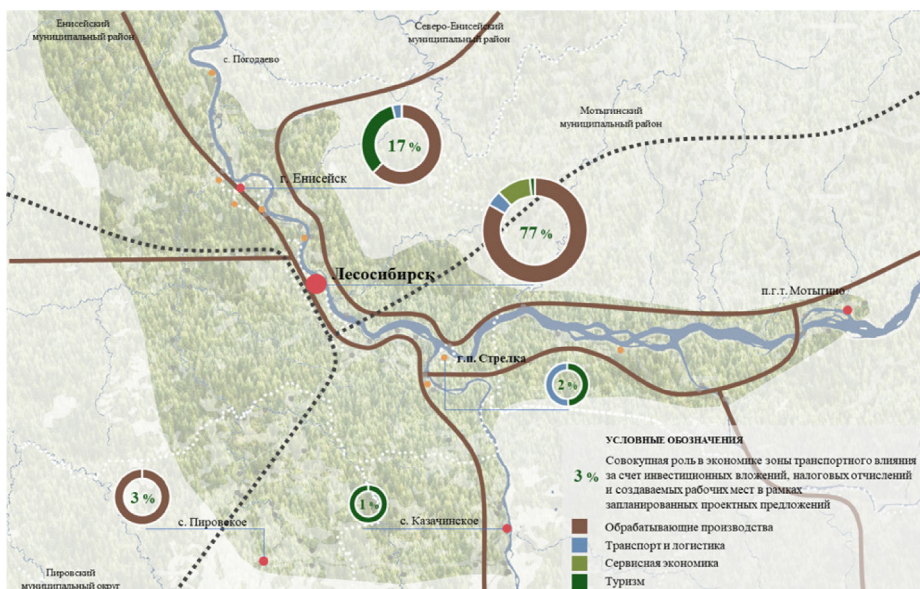

Рисунок 5 – Зона транспортного влияния города Лесосибирска и ее вклад в экономику опорного города¹⁰
Figure 5 – Transport influence zone of the city of Lesosibirsk and its contribution to the economy of the support city

Масштабные планы по развитию экономики опорных центров сопровождаются значительными потребностями в бюджетных инвестициях в инфраструктурные проекты. Запланированные капиталовложения в благоустройство, социальную, коммунальную и транспортную инфраструктуру создают существенную нагрузку на федеральный и региональный бюджеты.

Совокупная потребность в финансировании мероприятий мастер-плана Канска оценивается в 112,8 млрд рублей при паритетном соотношении государственных и частных инвестиций (1:1), что предполагает бюджетные расходы в размере 56,3 млрд рублей. Мастер-план Лесосибирска характеризуется более высокой долей бюджетного финансирования: при общем объеме инвестиций 174,3 млрд рублей соотношение государственных и частных средств составляет 1:0,8 (94,7 млрд и 79,6 млрд рублей соответственно). Все расчеты выполнены в ценах 2024 года без учета инфляционной корректировки.

При равномерном распределении запланированного объема бюджетных инвестиций на весь

период реализации мастер-планов (2025–2035 гг.) средняя ежегодная сумма дополнительных бюджетных вложений составит 5,1 млрд рублей в Канске и 8,6 млрд рублей в Лесосибирске. Для оценки масштаба финансовой нагрузки целесообразно сопоставить эти показатели с текущим объемом межбюджетных трансфертов: по итогам 2024 года безвозмездные поступления от других бюджетов бюджетной системы Российской Федерации составили 3 млрд рублей в бюджете Канска и 4,1 млрд рублей в бюджете Лесосибирска¹¹. Таким образом, реализация мастер-планов потребует увеличения ежегодного бюджетного финансирования в 2,7 раза для Канска и в 3,1 раза для Лесосибирска относительно текущего объема межбюджетных трансфертов.

Столь значительный объем государственных инвестиций вызывает серьезные сомнения в реалистичности заявленных планов. Даже в рамках предыдущей системы ОНП, охватывавшей ограниченное число территорий, обеспечение подобного уровня бюджетного финансирования представлялось проблематичным. Селективный

¹⁰ Материалы плана развития (мастер-плана) г. Лесосибирска Красноярского края (не опубликованы в открытый доступ). – URL: <https://zakupki.gov.ru/epz/order/notice/ok20/view/supplier-results.html?regNumber=0119200000124002822>. (дата обращения: 08.11.2025).

¹¹ Исполнение бюджета по доходам // Единый портал бюджетной системы Российской Федерации. – URL: <https://budget.gov.ru/> (дата обращения: 10.11.2025).

принцип формирования системы ОНП создавал предпосылки для приоритетного выделения бюджетных средств, однако практическая реализация значительной части инфраструктурных проектов характеризовалась систематическим недофинансированием и переносом установленных сроков.

Проблема ограниченности бюджетных ресурсов актуализирует необходимость поиска альтернативных механизмов финансирования инфраструктурного развития опорных центров. Перспективным направлением представляется более активное использование инструментов государственно-частного партнерства, позволяющих привлечь частный капитал к реализации проектов, традиционно финансируемых из бюджета. Однако применение механизмов ГЧП на депрессивных территориях требует создания дополнительных гарантий для частных инвесторов, что, в свою очередь, создает условные бюджетные обязательства. Альтернативным подходом может стать развитие механизмов муниципальных облигаций и других инструментов долгового финансирования, хотя их применимость в условиях ограниченной платежеспособности муниципальных образований остается дискуссионным вопросом.

Переход к новой системе ОНП многократно увеличивает масштаб требуемых бюджетных вложений, что делает перспективы полноценного финансирования еще более призрачными. Распространение программы на всю страну означает кратное увеличение совокупной потребности в государственных инвестициях при неизменных или ограниченно растущих возможностях федерального и региональных бюджетов. В ситуации, когда аналогичные планы развития будут разрабатываться на все опорные пункты, конкуренция за бюджетные ресурсы неизбежно обострится.

Более того, текущая макроэкономическая ситуация не способствует наращиванию инфраструктурных расходов. Необходимость финансирования приоритетных направлений государственной политики, обслуживания государственного долга, поддержания социальных обязательств и обеспечения обороноспособности создает жесткие бюджетные ограничения. В этих условиях вероятность того, что инфраструктурные проекты опорных центров получат заявленное финансирование в полном объеме и в установленные сроки, представляется крайне низкой.

При адаптации мастер-планов Канска и Лесосибирска к условиям новой системы ОНП необходимо исходить из более скромных перспектив выделения государственных средств. Сокращение запланированных темпов государственного инвестирования в инфраструктуру неизбежно отразится

на активности частных инвесторов, которые и без того демонстрируют нестабильную вовлеченность на депрессивных территориях. В этой связи актуализируется проблема поиска оптимального баланса в распределении ограниченных бюджетных средств между инфраструктурой для жизни (объекты здравоохранения, образования, культуры, благоустройство и т. п.) и инфраструктурой для бизнеса (промышленные площадки, объекты логистики, инженерные сети). Приоритизация одного направления неминуемо происходит за счет другого, что требует взвешенного подхода к формированию инвестиционных проектов.

Формирование системного развития экономики напрямую зависит от критериев, по которым населенным пунктам присваивается статус опорных. Канск включен в перечень ОНП как центр предоставления социальных услуг для нескольких муниципальных образований, тогда как Лесосибирск определен опорным городом, в котором реализуются новые инвестиционные проекты, существенно влияющие на экономику территории¹². Очевидно, что условия для комплексного экономического развития в Лесосибирске могут быть более благоприятными, чем в Канске, и этот фактор необходимо учитывать при корректировке мастер-планов обоих городов.

В условиях изменившейся институциональной среды системы ОНП серьезные сомнения вызывает заложенная в мастер-планах ориентация на привлечение населения из других регионов страны. Первоначальная концепция обосновывала межрегиональную миграционную привлекательность одновременным комплексным развитием опорного центра и транспортной инфраструктуры, связывающей его с прилегающими территориями. Предполагалось, что жители периферийных населенных пунктов смогут без существенных затруднений добираться до опорного города для получения услуг и трудоустройства, сохраняя при этом постоянное место жительства в сельской местности.

Однако с учетом новой системы ОНП концепция одновременного роста численности населения в опорном центре и сохранения демографического потенциала прилегающих территорий представляется нереалистичной. Когда территория утрачивает статус «избранной» в отношении приоритетного бюджетного финансирования, привлечение трудовых ресурсов из других регионов становится крайне затруднительным. Более того, такая стратегия входит в противоречие с базовыми принципами новой концепции ОНП: поскольку опорные центры теперь зафиксированы повсеместно и ориентированы на стабилизацию

¹² Единый перечень опорных населенных пунктов Российской Федерации // Сайт Министерства экономического развития Российской Федерации – URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitie/strategicheskoe_planirovanie_prostranstvennogo_razvitiya/strategiya_prostranstvennogo_razvitiya_rossii_do_2030_goda_c_prognozom_do_2036_goda/edinyu_perechen_opornyh_naselennyh_punktov_rf/ (дата обращения: 10.11.2025).

существующей системы расселения, наиболее рациональным вектором демографической политики для каждого из них является фокусирование на собственной зоне влияния – прилегающих территориях в пределах транспортной доступности.

При условии обеспечения доступности жилья в опорном городе для жителей прилегающих территорий объективная необходимость сохранения расселения на периферии существенно снижается. Рациональный экономический выбор жителей будет склоняться в пользу проживания в непосредственной близости от ключевых объектов социальной инфраструктуры и места занятости. Если транспортная доступность от периферийного населенного пункта до опорного города составляет 60 и более минут, а проживание в самом городе обеспечивает пешую доступность в 15–30 минут, преимущества концентрации становятся очевидными.

Следует подчеркнуть, что предлагаемая стратегия не означает полного запустения прилегающих районов, а ориентирована на выработку обновленной концепции их функционального назначения, соответствующей актуальным технологическим и социально-экономическим условиям. Малые населенные пункты, находящиеся в зоне непосредственной транспортной доступности от опорного населенного пункта (условно до 15 км по дорогам общего пользования), способны выполнять функции городов-спутников, формируя совместно с центральным узлом условия для запуска агломерационных эффектов даже при относительно скромных масштабах урбанизированных и сельских территорий. Наряду с этим, перспективы устойчивого функционирования и развития сохраняют более отдаленные, но экономически самодостаточные населенные пункты, располагающие собственной производственной инфраструктурой и потенциалом к развитию. Зоны глубокой периферии следует рассматривать не как ареалы постоянного расселения, а как территории, предназначенные для локализации инновационного сельского хозяйства, формирования туристско-рекреационных кластеров или сохранения природных комплексов [17, с. 86].

Научная новизна исследования носит концептуальный характер и заключается в выявлении системных противоречий между проектными решениями, разработанными в логике селективной модели ОНП, и требованиями новой общенациональной системы опорных центров. На основе критического анализа мастер-планов Канска и Лесосибирска сформирована дифференциация функционального назначения прилегающих территорий с выделением территорий-спутников, экономически самодостаточных населенных пунктов и зон альтернативного использования, а также предложены три концептуальных положения, корректирующих подходы к стратегическому

планированию в условиях масштабирования системы ОНП.

1. Демографическая реалистичность: прогноз численности населения опорного центра должен базироваться преимущественно на управляемой концентрации трудоспособного населения (16–60 лет) из прилегающей территории (в пределах зоны транспортного влияния), а не на декларируемой межрегиональной миграции. Это соответствует логике «стабилизации существующей системы расселения», закреплённой в СПР-2030, и устраняет противоречие между ростом населения опорного центра и сохранением потенциала периферии.

2. Экономическая приоритетность: экономическая устойчивость должна выступать системообразующим фактором развития ОНП, а не следствием инфраструктурных инвестиций. Отбор проектов для включения в мастер-план должен осуществляться исходя из потенциала формирования устойчивой экономической базы (обеспеченность рабочими местами, добавленная стоимость, экспортный потенциал), а не исключительно на основе декларируемой социальной значимости или инфраструктурной насыщенности.

3. Финансовая сопоставимость: объемы бюджетных вложений в инфраструктуру должны соотноситься с ретроспективной динамикой межбюджетных трансфертов и реальными возможностями бюджетной системы, что позволяет избежать формирования нереалистичных финансовых моделей в условиях жестких бюджетных ограничений при масштабировании системы ОНП.

Обсуждение

Проведенное исследование мастер-планов Канска и Лесосибирска позволяет сформулировать ряд выводов относительно трансформации концепции опорных населенных пунктов и перспектив ее реализации в условиях новой парадигмы пространственного развития России, а также ответить на ряд вопросов, возникающих при изучении темы опорных населенных пунктов.

Принципиальным противоречием новой системы ОНП является масштабирование концепции при сохранении декларативной установки на поддержание жизнеспособности всех прилегающих территорий. Как показывает опыт разработки мастер-планов в рамках предыдущей, более селективной модели ОНП, сохранение демографического и экономического потенциала периферийных населенных пунктов представляло значительную проблему даже при условии масштабных инвестиций в транспортную инфраструктуру. Предположение о том, что развитая транспортная доступность способна удержать население от переезда в опорные города, оказывается несостоятельным: улучшение связности территорий скорее стимулирует миграцию в центры, чем препятствует ей.

Кроме того, реалистичная оценка перспектив реализации новой концепции ОНП указывает на то, что формирование системы развитых опорных центров по всей территории страны в лучшем случае займет весь период действия СПР-2030 вплоть до 2036 года. В течение этого времени депрессивные территории продолжают терять население, что делает вопрос объективного демографического прогноза еще более актуальным.

Системообразующим фактором функционирования ОНП должна выступать экономическая составляющая. Без формирования устойчивой экономической базы, обеспечивающей занятость и достойный уровень доходов населения, любые инфраструктурные инвестиции не способны обеспечить долгосрочную устойчивость развития территории. Это актуализирует необходимость более детальной и системной работы с инвесторами, включая создание специализированных механизмов государственно-частного партнерства, снижение административных барьеров и формирование благоприятного инвестиционного климата.

Формирование устойчивой экономической базы опорных центров предполагает не только создание новых производственных мощностей, но и модернизацию существующих предприятий с внедрением современных технологий и управленческих практик. Особое значение приобретает развитие инновационной инфраструктуры, способной обеспечить технологическое обновление традиционных отраслей и создание предпосылок для формирования новых направлений экономической специализации. В условиях глобальной конкуренции и технологических трансформаций способность территории к непрерывному обновлению экономической базы становится определяющим фактором долгосрочной конкурентоспособности. Это требует инвестиций не только в материальную инфраструктуру, но и в развитие человеческого капитала, формирование предпринимательской культуры и создание институциональной среды, благоприятствующей инновационной активности.

Также важно затронуть тему неравномерного распределения количества опорных населенных пунктов в разбивке по регионам. Данное решение новой системы ОНП подвергается большой

критике, во многом вызванной различием подходов к определению перечня опорных населенных пунктов в разных субъектах РФ: в одних регионах были задействованы только ключевые центры, обладающие значительным потенциалом, в других – включены все административные центры муниципальных районов и округов независимо от их фактического статуса. Однако, на наш взгляд, такая неравномерность представляет собой закономерное явление, обусловленное объективными характеристиками существующей системы расселения и реализуемой в стране муниципальной реформы¹³. В качестве опорных центров задействуются все функционально состоятельные населенные пункты, соответствующие стратегическим планам государства по пространственному развитию территорий и имеющие перспективы дальнейшего укрепления своей роли в региональной системе расселения. Данный подход отражает реалистичное понимание пространственной организации территории и отказ от искусственного конструирования опорных центров там, где для этого отсутствуют объективные предпосылки.

Заключение

Исследование достигло поставленной цели, выявив противоречия между первоначальной концепцией селективной поддержки опорных населенных пунктов и новой парадигмой системного пространственного развития. Анализ проектных решений мастер-планов Канска и Лесосибирска продемонстрировал необходимость концептуального пересмотра подходов к демографическому прогнозированию, инвестиционному планированию и определению функционального назначения прилегающих территорий.

Полученные результаты могут использоваться федеральными и региональными органами власти для совершенствования методологии стратегического планирования ОНП, институтами территориального планирования при разработке и актуализации мастер-планов, муниципальными образованиями для формирования программ социально-экономического развития. Исследование формирует научную основу для критического переосмысления практики пространственного развития депрессивных и периферийных территорий в современных российских условиях.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- [1] Нестерова Н. Н., Черкасов В. А. Ретроспектива теорий пространственного развития региональной экономики // Социально-экономические явления и процессы. 2015. Т. 10, № 12. С. 52–57. DOI 10.20310/1819-8813-2015-10-12-52-57. EDN V00LCR.
- [2] Маркварт Э., Киселева Н. Н., Соснин Д. П. Система опорных населенных пунктов как механизм управления пространственным развитием: теоретические и практические аспекты // Власть. 2022. Т. 30, № 2. С. 95–111. DOI 10.31171/vlast.v30i2.8939. EDN UNFDYM.

¹³ Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // Правовая справочно-информационная система «Консультант Плюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_501319/ (дата обращения: 12.11.2025).

- [3] Дружинин А. Г., Кузнецова О. В. Районирование в пространственном развитии современной России: проблемные вопросы теории и практики // *Федерализм*. 2025. Т. 30, № 2 (118). С. 79–97. DOI 10.21686/2073-1051-2025-2-79-97. EDN LAVEJV.
- [4] Евлампиева Е. В. Система опорных населенных пунктов как основа пространственного развития Российской Федерации // *Вестник Бурятского государственного университета*. Экономика и менеджмент. 2025. № 2. С. 66–73. DOI 10.18101/2304-4446-2025-2-66-73. EDN GSVYQS.
- [5] Воронин Б. А., Чупина И. П., Воронина Я. В. Российская деревня: проблемы заброшенности сельских населенных пунктов // *Аграрный вестник Урала*. 2019. № 7 (186). С. 88–91. DOI 10.32417/article_5d52b081c5b764.62355470. EDN AHRDAQ.
- [6] Глигич-Золотарева М. В., Лукьянова Н. И. Развитие опорных населенных пунктов в контексте пространственного развития Российской Федерации // *Федерализм*. 2024. Т. 29, № 4 (116). С. 23–46. DOI 10.21686/2073-1051-2024-4-23-46. EDN IYOIGR.
- [7] Евсеенкова С. В., Комарова Т. Л., Мицкая Е. В. Мастер-план как документ стратегического развития в Российской Федерации // *Теория государства и права*. 2024. № 2-1 (37). С. 59–72. DOI 10.47905/MATGIP_2024_2-1_37_59. EDN CTSMXR.
- [8] Михайлова А. В., Федоров Ю. Ю. Экономические факторы развития опорных населенных пунктов (на примере Республики Саха (Якутия)) // *Региональные проблемы преобразования экономики*. 2025. № 3 (173). С. 96–103. DOI 10.26726/grpe2025v3efotd. EDN XDJYAI.
- [9] Соколова С. В. Истоки самоорганизации городских агломераций // *Муниципальная академия*. 2024. № 3. С. 270–278. DOI 10.52176/2304831X_2024_03_270. EDN HRECKF.
- [10] Виленский А. В. Опорные населенные пункты в пространственном развитии РФ: разнообразие функций и задач // *Вестник РАЕН*. 2025. Т. 25, № 2. С. 76–84. DOI 10.52531/1682-1696-2025-25-2-76-84. EDN LJICEN.
- [11] Агнаева И. Ю. О развитии сельских агломераций в России // *Муниципальная академия*. 2024. № 4. С. 84–90. DOI 10.52176/2304831X_2024_04_84. EDN DLACCW.
- [12] Марача В. Г., Красникова Т. С. Опорные населенные пункты в арктической зоне России: их основные функции и содержание комплексных планов долгосрочного развития // *Арктика 2035: актуальные вопросы, проблемы, решения*. 2024. № 1 (17). С. 32–50. EDN OHLLYT.
- [13] Цыренов Д. Д., Цыреторова В. И. К вопросу о нормативно-правовом регулировании регионального и территориального развития России // *Вестник Бурятского государственного университета*. Экономика и менеджмент. 2024. № 3. С. 142–147. DOI 10.18101/2304-4446-2024-3-142-147. EDN UDBDFG.
- [14] Антонюк В. С., Сигатова Н. А., Вансович Э. Р. Стратегия пространственного развития России: адаптационный подход и приоритизация задач // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2024. № 12 (494). С. 19–28. DOI 10.47475/1994-2796-2024-494-12-19-28. EDN NFHRTY.
- [15] Одинцова А. В. Опорные населенные пункты – новый приоритет пространственного развития Российской Федерации // *Федерализм*. 2025. Т. 30, № 1 (117). С. 52–70. DOI 10.21686/2073-1051-2025-1-52-70. EDN JZOAQJ.
- [16] Юшков М. А. Устойчивое развитие неурбанизированных территорий: современные подходы на основе формировании опорных населенных пунктов // *Вопросы отраслевой экономики*. 2025. № 2 (10). С. 46–54. DOI 10.24888/2949-2793-2025-10-46-54. EDN NBWRZD.
- [17] Рой О. М., Бичун В. С. Опорные населенные пункты в условиях новой пространственной стратегии России // *Муниципальная академия*. 2025. № 3. С. 81–89. DOI 10.52176/2304831X_2025_03_81. EDN PDPOLU.
- [18] Стрельченко Т. Г., Егорычева А. А. Система опорных населенных пунктов как инструмент устойчивого развития территории: проблемы и перспективы (на примере Костромской области) // *Дневник науки*. 2025. № 3 (99). EDN XSYQQO.
- [19] Чекмарев В. О. О перспективах разработки мастер-планов городов // *Инновационный проект*. 2025. Т. 10, № 17. С. 104–106. DOI 10.17673/IP.2025.10.17.11. EDN NYCKDQ.
- [20] Садковская О. Е. Опорные населенные пункты на территории Ростовской области // *Архитектура и современные информационные технологии*. 2023. № 4 (65). С. 215–235. DOI 10.24412/1998-4839-2023-4-215-235. EDN HHWXYW.

REFERENCES

- [1] Nesterova, N. N., Cherkasov, V. A. (2015) Retrospective of theories of spatial developments of regional economy. *Social and economic phenomena and processes*, 10 (12), pp. 52–57. <https://doi.org/10.20310/1819-8813-2015-10-12-52-57>. <https://elibrary.ru/voolcr>.
- [2] Markvart, E., Kiseleva, N. N., Sosnin, D. P. (2022) The system of central (reference) settlements as a management tool: theoretical and practical aspects. *Vlast'*, 30 (2), pp. 95–111. <https://doi.org/10.31171/vlast.v30i2.8939>. <https://elibrary.ru/unfdym>.
- [3] Druzhinin, A. G., Kuznetsova, O. V. (2025) Zoning in the spatial development of modern Russia: problematic issues of theory and practice. *Federalism*, 30 (2), pp. 79–97. <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2025-2-79-97>. <https://elibrary.ru/lavejv>.
- [4] Evlampieva, E. V. (2025) System of Key Settlements as a Basis for Spatial Development of the Russian Federation. *Bulletin of Buryat State University. Economy and Management*, (2), pp. 66–73. <https://doi.org/10.18101/2304-4446-2025-2-66-73>. <https://elibrary.ru/gsvyqs>.
- [5] Voronin, B. A., Chupina, I. P., Voronina, Ya. V. (2019) Russian village: problems of abandonment of rural settlements. *Agrarian Bulletin of the Urals*, (7), pp. 88–91. <https://>

- doi.org/10.32417/article_5d52b081c5b764.62355470. <https://elibrary.ru/ahrdaq>.
- [6] Gligich-Zolotareva, M. V., Lykjanova, N. I. (2024) The development of stronghold settlements in the context of the spatial development of the Russian Federation. *Federalism*, 29 (4), pp. 23–46. <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2024-4-23-46>. <https://elibrary.ru/iyoigr>.
- [7] Evseenkova, S. V., Komarova, T. L., Mitskaya, E. V. (2024) Master plan as a document of strategic developments in the Russian Federation. *Theory of State and Law*, (2-1), pp. 59–72. https://doi.org/10.47905/MAT-GIP_2024_2-1_37.59. <https://elibrary.ru/ctsmxr>.
- [8] Mikhailova, A. V., Fedorov, Yu. Yu. (2025) Economic factors of development of supporting settlements (on the example of the Republic of Sakha (Yakutia)). *Regional Problems of Economic Transformation*, (3), pp. 96–103. <https://doi.org/10.26726/rppe2025v3efotd>. <https://elibrary.ru/xdjyai>.
- [9] Sokolova, S. V. (2024) The origins of self-organization of urban agglomerations. *Municipal Academy*, (3), pp. 270–278. https://doi.org/10.52176/2304831X_2024_03_270. <https://elibrary.ru/hreckf>.
- [10] Vilensky, A. V. (2025) Key settlements in the spatial development of the Russian Federation: diversity of functions and tasks. *Bulletin of the Russian Academy of Natural Sciences*, 25 (2), pp. 76–84. <https://doi.org/10.52531/1682-1696-2025-25-2-76-84>. <https://elibrary.ru/ljiceh>.
- [11] Agnaeva, I. Yu. (2024) On the development of rural agglomerations in Russia. *Municipal Academy*, (4), pp. 84–90. https://doi.org/10.52176/2304831X_2024_04_84. <https://elibrary.ru/dlaccw>.
- [12] Maracha, V. G., Krasnikova, T. S. (2024) Supporting settlements in the Arctic zone of Russia: their main functions and the content of comprehensive long-term development plans. *Arctic 2035: Current Issues, Problems, Solutions*, 1 (17), pp. 32–50. <https://elibrary.ru/ohllyt>.
- [13] Tsyrenov, D. D., Tsyretorova, V. I. (2024) On the regulatory and legal regulation of regional and territorial development in Russia. *Bulletin of Burgat State University. Economics and Management*, (3), pp. 142–147. <https://doi.org/10.18101/2304-4446-2024-3-142-147>. <https://elibrary.ru/udbdfg>.
- [14] Antonyuk, V. S., Sigatova, N. A., Vansovich, E. R. (2024) Strategy of spatial development of Russia: adaption approach and prioritization of tasks. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, (12), pp. 19–28. <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2024-494-12-19-28>. <https://elibrary.ru/nfhrty>.
- [15] Odintsova, A. V. (2025) Anchor Settlements – New Priority of Spatial Development of the Russian Federation. *Federalism*, 30 (1), pp. 52–70. <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2025-1-52-70>. <https://elibrary.ru/jzoaoj>.
- [16] Yushkov, M. A. (2025) Sustainable development of non-urbanized territories: modern approaches based on the formation of key settlements. *Questions of Industrial Economics*, (2), pp. 46–54. <https://doi.org/10.24888/2949-2793-2025-10-46-54>. <https://elibrary.ru/nbwrzd>.
- [17] Roy, O. M., Bichun, V. S. (2025) Reference settlement in the context of Russia's new spatial strategy. *Municipal Academy*, (3), pp. 81–89. https://doi.org/10.52176/2304831X_2025_03_81. <https://elibrary.ru/pdpolu>.
- [18] Strelchenko, T. G., Egoricheva, A. A. (2025) The system of anchor settlements as a tool for sustainable development of territories: problems and prospects (using the Kostroma region as an example). *Science Diary*, (3). <https://elibrary.ru/xsyqqo>.
- [19] Chekmarev, V. O. (2025) On the prospects for developing city master plans. *Innovative Project*, 10 (17), pp. 104–106. <https://doi.org/10.17673/IP.2025.10.17.11>. <https://elibrary.ru/nyckdq>.
- [20] Sadkovskaya, O. E. (2023) Basic settlements in the Rostov region. *Architecture and Modern Information Technologies*, (4), pp. 215–235. <https://doi.org/10.24412/1998-4839-2023-4-215-235>. <https://elibrary.ru/hhwxyw>.